

Евгений СУХОВ

БАНДИТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Бандитская губерния
Серия «Дела следователя
Воловцова», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6997787

Бандитская губерния / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71345-5

Аннотация

Судебный следователь Иван Федорович Воловцов, получив долгожданный отпуск, отправляется в Рязань, к любимой тетушке. Он мечтает о безмятежном отдыхе с книжкой в руках, но его мечте, увы, не суждено сбыться. Сразу по приезде Иван Федорович оказывается в гуще трагических событий. В соседнем доме сгорела заживо подруга тетушки, безобидная старушка Марья Кокошина. Местная полиция склоняется к версии, что Кокошина погибла в результате несчастного случая, но интуиция подсказывает Воловцову, что в этом деле не все так просто. Иван Федорович тщательнейшим образом осматривает место гибели старушки и приходит к однозначному выводу: Марья Кокошина была убита...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Евгений Сухов

Бандитская губерния

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Заколдованный круг, или Как в России заполучить законный отпуск

После двух сложнейших дел – двойного убийства в Хамовническом переулке и убийства коммивояжера Стасько в Дмитрове, которые судебный следователь по наиболее важным делам коллежский советник Иван Федорович Воловцов вел почти одновременно, его организм и нервная система изрядно истощились и затребовали отдыха.

А что ж поделаешь, железо – и то устает! Это доказал еще в 1839 году французский механик и инженер Жан-Виктор Понселе. Металлические части станков под воздействием постоянно повторяющегося напряжения выходят из строя без видимой причины, стальные тросы рвутся, как гнилые веревки, и, как карандаши, ломаются паровозные оси. Крупнейшая железнодорожная катастрофа, произошедшая в мае 1842 года и названная в энциклопедиях Версальской, произошла именно вследствие усталости железа, из которого были выкованы паровозные оси. В результате – пятьдесят пять трупов. Чего уж говорить о человеке, состоящем из воды, мяса и костей?

А тут еще на его долю выпало первое в жизни убийство человека. Разумеется, Воловцов действовал в рамках закона, и, не выстрелив он тогда в Георгия Полянского, профессионального убийцу, в послужном списке которого было несколько отнятых человеческих жизней, «лейгер», как в уголовной среде называют таких преступников, ушел бы. И ищи потом ветра в поле! К тому же Полянский был «гульным варнаком», то бишь беглым каторжником, объявленным в розыск по всем губерниям и уездам Российской империи уже не первый год. При задержании он оказал сопротивление и ударился в бегство. А бегал он лучше Воловцова... Ну, и что прикажете тут делать? Помахать вслед его сверкающим пяткам рукой с зажатым в ней револьвером и прокричать в досаде:

– Беги, беги, гад, все равно скоро свидимся?

Или:

– В следующий раз я тебя обязательно догоню, изувер?

Конечно, не дело судебному следователю по наиболее важным делам ходить на задержания и устраивать засады. И не дело стрелять из револьвера по бегущим мишеням в образе преступников. Не его это, судебного следователя, функция и прерогатива. Но так уж вышло. Ведь один Иван Федорович Воловцов знал убийцу Полянского в лицо. Поэтому и участвовал в задержании. И задержал...

И все же этот смертельный выстрел, настигший «лейгера», был той последней каплей, которая переполняет чашу.

После чего ее содержимое выливается наружу, причем не одной этой лишней каплей, а порою и даже целой струей.

Его тело измаялось от недосыпа и постоянных, все увеличивающихся нагрузок, мозг устал от нескончаемого потока мыслей, а нервы – от постоянного напряжения. Иван Федорович Воловцов так прямо и сказал председателю Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты и своему непосредственному начальнику Геннадию Никифоровичу Радченко:

– Все. Устал. Более не могу! Дайте отпуск.

– Хорошо, – ответил все понимающий Радченко. – Отдохни дня три. Ты их, Иван Федорович, вполне заслужил.

– Вы меня не поняли, – твердо возразил Геннадию Никифоровичу Воловцов. – Мне нужен полноценный отпуск. На месяц. А скорее, даже на два...

Председатель уголовного Департамента округлил глаза:

– А может, вы еще бессрочный отпуск попросите?

– Бессрочный? – удивленно посмотрел на него Воловцов. – Гм...

– Бессрочный, – подтвердил Геннадий Никифорович и добавил ядовито: – На годик, скажем. Ну, а что дробить-то?

– Нет, – после недолгого раздумья ответил Иван Федорович, распознав иронию начальника. – Чтобы восстановить силы, мне будет достаточно и шести недель.

– Это невозможно, – отрицательно покачал головой Радченко.

– Почему? Другие же люди ходят в отпуска? Вон, тот же судебный следователь Широбоков... Два раза уже в этом году был в отпуске, и ничего...

– Он ушел в отпуск по семейным обстоятельствам. У него тетка в Рязани была при смерти, – парировал председатель Департамента.

– Один раз – да. А второй раз что, тоже тетка? – с нескрываемым сарказмом спросил Воловцов.

– Нет, второй раз – не тетка, – ответил Радченко.

– А кто – дядька? – с прищуром посмотрел на него Иван Федорович.

– Второй раз судебный следователь Широбоков был в отпуске ровно по истечении года службы, – произнес Геннадий Никифорович и тотчас пожалел о своих словах, поскольку реакция Воловцова была вполне предсказуема.

– Года службы? – воскликнул он. – А я ведь не имел отпуски даже по истечении двух лет службы! И у меня есть тетка в Рязани. Она, может, тоже при смерти, поскольку не виделись мы уже лет пять. Потому мне крайне необходимо съездить к ней и удостовериться, что она не лежит на смертном одре и ее посиневшие губы не шепчут едва слышно: «Ванечка, племянник мой родненький, приезжай поскорее повидаться со своей старенькой тетушкой, а то, может статься, и не свидимся более на этом свете...» – У Воловцова, помимо его воли, вдруг повлажнели глаза (не иначе как тоже результат телесной и нервической усталости). – А кроме нее, милости-

вый государь Геннадий Никифорович, у меня и родни-то никакой больше нет, – сглотнув и едва не всхлипнув, закончил столь душещипательную фразу Иван Федорович.

Посиневшие губы тетушки Воловцова и его повлажневшие глаза, очевидно, возымели положительное воздействие на Радченко. Он вздохнул и, стараясь не встречаться взглядом с судебным следователем по наиболее важным делам, произнес:

– Ну, а я что... Собственно, ничего. Мы ж не звери какие... Мы же понимаем, что сказать последнее «прости» иногда важнее, нежели сделать возлюбленной даме предложение руки и сердца. Но, – Радченко и не смог скрыть ехидных искорок в глазах, – наш окружной прокурор не даст тебе разрешения на отпуск.

– Да? – сухо проговорил Воловцов. – Ну, это мы еще посмотрим. Я сам к нему схожу...

– Ага, Иван Федорович, – язвительно усмехнулся Радченко, – сходи...

Кабинет окружного прокурора Московской Судебной палаты, действительного статского советника Владимира Александровича Завадского был много больше кабинета Радченко. Иван Федорович всегда чувствовал себя в нем маленьким, не больше циркового карлика, особенно когда Владимир Александрович был настроен на распекацию. Последняя такая распекация была устроена Воловцову не

столь давно, при расследовании повторно возбужденного по указанию Сената дела о двойном убийстве в Хамовническом переулке жены и дочери известного московского гражданина Алоизия Осиповича Кара. Тогда прокурор просто метал молнии и обещал отстранить Ивана Федоровича от дела, ежели он не уложится в недельный срок. Воловцов уложился и нашел убийцу жены и старшей дочери главного пивовара Хамовнического медопивоваренного завода Алоизия Кара. После чего окружной прокурор самолично принес Ивану Федоровичу извинения, сказав, что «в последнюю нашу встречу был с вами довольно резок и, наверное, несправедлив к вам». Конфликт на этом был исчерпан. Собственно, Завадский был отличным знатоком своего дела, разбирался во всей казуистике российских законов, но вот подчиненным не доверял и предпочитал контролировать лично все дела в обоих Департаментах Судебной палаты – уголовном и гражданском. Чего, конечно, делать не успевал и оттого психовал и злился, но – невозможно объять необъятное...

Его превосходительство встретил Ивана Федоровича приветливо. Сразу предложил присесть и разговор начал сам, с похвалы по последнему делу Воловцова, связанному с серией убийств в Москве и беглым каторжником Георгием Полянским.

– Замечательно было вами все сработано, просто замечательно. – Завадский, похоже, был вполне искренен. – Свя-зать в единый узел стародавнюю историю с убийством уезд-

ного исправника, убийства в Москве нескольких уголовников и убийство коммивояжера в Дмитрове – это стоит многого. Вы вполне заслуживаете награды, и я буду ходатайствовать о досрочном присвоении вам чина статского советника...

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – с чувством произнес Иван Федорович.

– Не стоит благодарностей, – кивнул Завадский. – Повторю: вы это вполне заслужили... У вас все ко мне?

– Прошу прощения, ваше превосходительство, но я пришел к вам вовсе не ходатайствовать о присвоении мне чина статского советника досрочно, без обязательной выслуги четырех положенных лет. – Иван Федорович даже немного расстроился, ведь из разговора с Завадским выходило, что он пришел к окружному прокурору «выпрашивать» очередной чин. По крайней мере, его приход был воспринят окружным прокурором именно таким образом...

– А зачем тогда? – с недоумением посмотрел на него действительный статский советник.

– Я уже два года не был в отпуске и хотел бы просить вашего разрешения на то, чтобы... – начал было Иван Федорович, но Завадский не дал ему договорить:

– Так вы пришли просить отпуск?

– Именно так, ваше превосходительство, – громко и отчетливо ответил Воловцов.

– Это не ко мне, Иван Федорович. У вас есть непосред-

ственный начальник, Геннадий Никифорович Радченко. Это в его компетенции. А он что, не дает вам отпуск?

– Он ссылается на вас, Владимир Александрович, – быстро проговорил Воловцов.

– Ну, если ваш непосредственный начальник считает, что давать вам отпуск в настоящее время не представляется возможным, то, – развел руками статский советник, – что я-то тут могу поделать? Ему виднее...

– Он ничего не считает, он ссылается на вас, – попытался еще раз достучаться до прокурора судебный следователь. – Говорит, мол, как вы скажете, так и будет.

– Простите, Иван Федорович, но существует определенный порядок. Может быть, он устарел, и вы, молодые, считаете его бюрократическим пережитком, но другого порядка пока не выдумали. А порядок таков: вы подаете рапорт о предоставлении отпуска своему непосредственному начальнику, он накладывает на него резолюцию, после чего рапорт попадает на мой стол. И я, согласно имеющейся резолюции, уже принимаю решение. А без санкции Геннадия Никифоровича я решительно ничего не могу предпринять...

Это был заколдованный круг.

Поблагодарив его превосходительство за предоставленную аудиенцию, Воловцов вернулся в Департамент и отправился к своему «непосредственному начальнику». Он перехватил Радченко уже выходящим из кабинета...

– Ну, что? – ясным и чистым взглядом посмотрел на него

«непосредственный начальник». – Что сказал его превосходительство господин окружной прокурор?

– Он сказал, что существует порядок, который он не вправе переступить, – начал было Иван Федорович, но Радченко вдруг заторопился:

– Прости, опаздываю на важную встречу.

Сказав это, он скорым шагом покинул свою приемную и скрылся за дверью.

– Вы куда? – только и успел крикнуть ему в спину Воловцов. Но ответа не последовало. – Куда это он? – повернулся к секретарю начальника Иван Федорович. На что тот лишь пожал плечами. – А он еще сегодня будет?

– Обещался быть...

После этих слов секретаря Иван Федорович уселся на стул и решил ждать Радченко до победного конца...

Прошел час...

Два часа...

Два часа с тремя четвертями...

«Непосредственный начальник» появился уже после трех пополудни. Он был весел, и от него пахло женскими духами и хорошим вином.

– Ну, так как мое дельце? – с лучезарной улыбкой приветствовал его Воловцов.

– Какое дельце? – не менее лучезарно улыбнулся в ответ Геннадий Никифорович.

– А вот такое... – С этими словами судебный следователь

подхватил своего «непосредственного начальника» под белые ручки, препроводил в его кабинет и, зайдя следом, закрыл дверь на замок.

Секретарь поначалу прислушивался, ведь любопытно же, о чем говорят запирающие за собой дверь люди. Но потом надобность в этом отпала: Радченко и Воловцов разговаривали на столь повышенных тонах, что не стоило напрягать слух...

– А кто будет работать? – спрашивал Радченко. – Широбоков, что ли? Или лентяй Караваяев?

– А что, заставить, что ли, вы их не можете? – решительно возражал Воловцов.

– Да какие из них работники... Затянут дело, а потом либо в архив, либо перепоручать. Тебе же, кстати...

– А зачем тогда на службе таких держите? – с удивлением спрашивал Воловцов. – Гоните их к псам! Пусть в канцеляриях бумажки перебирают...

– Это говорить только легко – «гоните»... – пробурчал Радченко. – Широбокову до двадцатилетней выслуги осталось полтора года, а у Караваяева – дядя тайный советник и сенатор. Или ты этого не знаешь? Как такого погонишь? Да он сам тебя взащей погонит к такой-то матери...

– А мне-то что с того? – наседал Воловцов. Как-то незаметно он перешел на «ты». – Думаешь, после твоих слов мне легче стало?

– Вот, то-то и оно. Тебе эти проблемы – как горох по ба-

рабану. А с меня – спросят!

– Мне что, тебя пожалеть? – негодовал Воловцов.

– Не надо меня жалеть. А вот понять меня – не мешает...

– Я-то понимаю. А вот ты понять меня не хочешь...

Потом наступило недолгое молчание. Секретарь понял, что первый акт пьесы «Спор господина Радченко с господином Воловцовым» закончился. Настало время второго акта. Заключительного. Он встал со своего места и приложил ухо к двери...

– Ладно, пиши свой рапорт, – обреченно проговорил Радченко. – Даю тебе три недели.

– Шесть, – уверенно сказал Иван Федорович.

– Три недели, и ни днем больше. Иначе совсем ничего не получишь...

– Вот.

– На! – произнес Радченко после шуршания карандашом.

– Благодарю вас, Геннадий Никифорович, – перешел на «вы» Воловцов.

– Не за что, Иван Федорович.

Секретарь отскочил от двери и с быстротой молнии занял свое место, поскольку ключ в двери кабинета председателя Департамента уголовных дел дважды повернулся. Затем она открылась, и из кабинета вышел красный, как вареный рак, судебный следователь Воловцов. В руках он держал бумагу с рапортом о предоставлении ему трехнедельного отпуска. В верхнем углу рапорта ясно читалось:

«Не возражаю».

Радченко же сидел прямо на столе и вытирал носовым платком пот с шеи и щек. Как объясняться с Завадским по поводу своей разрешающей Воловцову отпуск резолюции, он еще не представлял. Словом, распеканция у Завадского намечалась нешуточная...

Глава 2

В Рязань для отдохновения мозгов, или Все образуется...

Что такое три недели отпуска?

Это двадцать один день жизни в свое удовольствие, без забот, спешки и треволнений. Пятьсот часов, которыми можно распоряжаться полностью, по личному усмотрению. А это не мало, господа... Можно пролежать все эти пятьсот часов на диване, отдыхая телом и поплеывая в потолок, можно ежедневно ходить по грибы или на рыбалку, отдыхая душой и дыша чистым воздухом. Можно пойти в театр на премьеру или в цирк на представление известного итальянского акробата, записаться в какой-нибудь клуб, к примеру, шахматный, или начать посещать танцевальные курсы. А можно уехать куда-нибудь из Москвы, как говорят, сменить обстановку, что дает наилучший отдых мозгам. Словом, в свой законный отпуск можно все...

Иван Федорович Воловцов решил сменить обстановку.

На следующий день после получения резолюции «не возражаю» на свой рапорт о предоставлении отпуска судебный следователь по наиболее важным делам купил билет, сел в вагон второго класса и отбыл по «чугунке» в славный город Рязань, где у него и правда проживала родная тетка по отцу Фе-

одора Силантьевна Пестрякова, в девичестве, естественно, Воловцова. Мужа, Данилу Филипповича Пестрякова, Федора Силантьевна схоронила еще шесть лет назад, детей им Бог не послал, и жила она одна в своем домике по Астраханскому шоссе в Ямской слободе, которая уже давно входила в черту города. Рос город быстрыми темпами, особенно после того, как тринадцать лет назад был построен железнодорожный вокзал и Рязань сделалась крупным железнодорожным узлом для всей Российской империи. Шутка ли, менее чем за сорок лет, то есть всего через два неполных поколения рязанцев, число их увеличилось вдвое и достигло сорока шести тысяч человек, что весьма немало...

Вокзал Рязани встретил Воловцова шумом и суетой, мало чем отличающимися от суеты московской. Возле вокзала, недалеко от пятиглавой часовни в честь убиенного государя императора Александра Второго Освободителя, имелась извозчицья биржа, состоятельные пассажиры, которых не поджидали собственные или специально посланные к их приезду экипажи, поспешили к ней, и Иван Федорович вместе с ними.

Выбирать транспорт поудобнее и посолиднее, чем и занялись пассажиры, прибывшие первым классом, он не стал. Взял первого попавшегося лихача на рессорной пролетке с откидным верхом и, не торгуясь, согласился на два рубля с полтиною (в Москве за проезд от одного конца города в другой лихач запросил бы не менее четырех-пяти рублей).

– Это мы зараз, – весело ощерился извозчик, узнав, куда нужно ехать. – Это мы мигом! – Видно, он был доволен свалившимся на него клиентом.

Ехать пришлось вовсе не «мигом», а долго и через весь город, поскольку железнодорожный вокзал находился в Троицкой слободе, то бишь в северной части города, а тетка жила в слободе Ямской – самой южной части Рязани. Зато можно было заново познакомиться с городом, в котором Волочцов не был уже пять лет...

Лихач повернул на Московское шоссе. За несколько минут они проехали сей древний тракт, соединяющий Рязань с Москвой, пересекли Конюшенную улицу по мосточку, что по-над Павловкой-речкой, и въехали на Московскую улицу, миновав трехэтажные артиллерийские казармы рязанского гарнизона. Здесь прыть пришлось поубавить: на этой улице, хоть и весьма широкой, разного рода колесных экипажей было уже предостаточно.

Иван Федорович во все глаза смотрел по сторонам: сплошь каменные двухэтажные дома, Рязань до пожара 1837 года была деревянной, а после пожара оделась в камень. Даже тротуары вымощены не деревянными чубуками, а гранитным булыжником.

Лавки, магазины, снова лавки... Улица Московская – торговая. А вот и красавец дом купца Масленникова с нарядным лепным фасадом и башенкой-шпилем над парадным входом на углу с Никольской улицей. Говорили, что купил его Мас-

ленников у купца Юкина аж за восемьдесят тысяч, а это – сумма, которую он, Иван Федорович Воловцов, сможет скопить из своего жалованья за сто десять лет. Если, конечно, не есть и не пить, и жить лет до ста пятидесяти...

Миновали перекресток с Селезневкой. А вот и трехэтажные «Шестиротные казармы» Волховского полка, и керосиновая лавка купца Селиванова, которого молодой новоиспеченный следователь окружного суда Иван Воловцов однажды допрашивал как свидетеля по делу кражи из соседнего с лавкой дома купца Антонова двух китайских ваз общей умопомрачительной стоимостью в триста тридцать тысяч рублей серебром. Проехав Базарную площадь и оставив по левую руку Александро-Невскую часовню, похожую на маленькую церковь, свернули на Почтовую улицу. Квартал, и поворот направо, на длиннющую Астраханскую улицу, бывшую некогда частью тракта, соединяющего Москву с Астраханью. Пройдя через Ямскую площадь, где некогда стояла Ямская застава и заканчивался город, Астраханская улица разветвлялась на Касимовское шоссе – главную улицу слободы Ямская-Касимовка и на Астраханское шоссе – главную улицу Ямской слободы, на которой и проживала тетка Ивана Федоровича Воловцова.

Ехали по Астраханской улице долго. Во-первых, протяженностью она более версты, а во-вторых – как-никак центральная улица города, и на ней есть что посмотреть...

Перво-наперво миновали монументальное здание Дво-

рянского собрания с колонным портиком и трехэтажный угловой корпус лучшего в городе заведения гостиничного типа, содержали которое обрусевшие немцы Штейерты. Здесь, если бы с теткой Воловцову показалось неуютно или же если бы он почувствовал ее недовольство, связанное с его приходом, и намеревался остановиться Иван Федорович.

Проехали по мосту через тиноватую речку Лыбедь, что делила город на две части: Московскую и Астраханскую, и миновали классическое двухэтажное здание Первой мужской гимназии. Почему классическое? Да потому, что точно такое же здание, построенное под Первую в городе гимназию, имели Казань, Нижний Новгород и Тверь. Затем проехали мимо корпуса мужской прогимназии и частной гимназии Радушкевича.

А вот и приземистый двухэтажный «банковский дом», где находились филиалы Торгового и Русского торгово-промышленных банков. Вся купеческая Рязань – тут, не извольте беспокоиться...

Через квартал – отделения Дворянского и Крестьянского земельных банков. За ссудой под залог земли – пожалуйста сюда, в двухэтажный особняк с парадным фасадом и башенкой-куполлом. В бытность свою в Рязани Воловцов никогда не бывал в этом здании: и закладывать было нечего, и ссуду брать не под что. А вот угловое двухэтажное здание Окружного суда, что они проехали ранее, Ивану Федоровичу очень даже знакомо, его Воловцов посещал исправно в

течение четырех лет своей службы судебным следователем у окружного прокурора Рязани коллежского советника Александра Александровича Воронина. А теперь он и сам коллежский советник, которому до статского советника, ежели его превосходительство прокурор Московской Судебной палаты слово свое сдержит, – рукой подать.

Купеческие особняки с каменным первым этажом, отданным под лавки и склады, ухоженные мещанские домики с квартирами под наем, околоточный полицейский участок, Пожарный двор с каланчой и казармами и, наконец, каменные столбы-башенки старой Ямской заставы, говорящие о том, что, собственно, город кончился, и началась Ямская слобода.

Нет, это была не та слобода с ямскими хибарками, в которых ютилось многочисленное ямщицкое семейство, кормившееся с огородов. Эта Ямская слобода лет сорок как канула в Лету... Теперь это была слобода купеческих и мещанских домов, часто в два этажа, со своею Николо-Ямской церковью в просторечии, и церковью во имя Святого Николая Чудотворца в официальном обращении.

Знатная церковь. Одна из лучших по красоте и убранству во всей Рязани, чем слободчане весьма гордились. В этом Волочков снова смог убедиться, когда они проехали мимо нее. Купола церкви и колокольни были видны даже с Окиреки, не говоря уж о Трубеже...

А вот и дом Феодоры Силантьевны Пестряковой.

Все, приехали...

– Ты? – Тетка аж всплеснула руками от неожиданности, когда Воловцов открыл калитку и вошел во двор, где Феодора Силантьевна копошилась по хозяйству.

– Я, – заулыбался Иван Федорович, довольный произведенным эффектом неожиданности, не вызвавшим, однако, у тетушки даже самого малозаметного недовольства. – Что, не ждали?

– Ты бы хоть написал, предупредил, телеграмму бы послал, – пропустила мимо ушей это «не ждали» Феодора Силантьевна. – Я бы как-то приготовилась, что ли...

– А чего готовиться, – усмехнулся Воловцов. – Генерал, что ли, к тебе приехал... К тому же все получилось как-то быстро: получил отпуск, сел на поезд, и вот я здесь...

– А ты все больше на отца становишься похож, – после недолгого молчания заметила тетушка. – На Федора... Не женился еще?

– Нет, некогда все.

– Ты с этим «некогда» так и проходишь бобылем до седых волос, – покосилась на племянника Феодора Силантьевна. – А время, дорогой племянничек, чем ты старше, тем скорее движется. Бывает, год прошел, а тебе кажется, что пара месяцев будто бы... – произнесла она с затаенной грустью.

– Это я уже заметил, тетушка, – промолвил Иван Федорович, думая о чем-то своем. – Это верно, время для каждо-

го возраста разную скорость имеет. Когда был мальчишкой, так сутки до того нескончаемые были, что не меньше недели длились. Потом как бы сравнялось все: сутки как сутки. А теперь скорость времени с каждым годом увеличивается. Наверное, чтоб на этом свете мы долго не задерживались, честь знали...

– А тебе рано еще о другом-то свете думать, – сказала тетка. – Тебе семьей надо обзаводиться, детей растить... Вроде была у тебя девушка... Ксенией, кажется, звали... И дело ваше с ней, по-моему, ладилось...

– Была, да сплыла, – бодрее, чем следовало бы, ответил Иван Федорович, и словно тень набежала на его лицо. Верно, та рана, что была связана с Ксенией, еще не затянулась.

Увидев, как помрачнел Ваня, Феодора Силантьевна тему Ксении развивать больше не стала. А потом спохватилась: что это она гостя с дороги на дворе держит?

Зашли в дом. За прошедшие пять лет здесь ничего не изменилось: на кухне – беленая, с солью, печь, чтобы прислонился – да не испачкался. Те же тканые коврики на чисто вымытом деревянном полу, те же занавеси на окнах, правда, изрядно выцветшие, та же железная кровать с шишечками на спинках... Это для людей время бежит. А для вещей – только идет...

– Что, ничего не изменилось за прошедшие годы? – спросила Феодора Силантьевна, заметив, как оглядывает ее жилище племянник.

– Да, похоже, не изменилось, – сказал Иван Федорович, присаживаясь на стул под ситцевой обивкой, тоже изрядно выгоревшей. – Все, как и пять лет назад...

– Пять лет! – Тетушка слегка нахмурилась и посмотрела на Воловцова: – Забыл ты совсем старуху... А ведь кроме меня, родни у тебя больше никакой и нету...

– Ну, какая ты старуха! – Иван Федорович, конечно, немного слукавил, поскольку Феодора Силантьевна и правда постарела и как-то сморщилась: стала вроде меньше ростом и посуше телом. Хотя аккурат такие вот стару... нет, пожилые женщины, и особенно живучи. – А что редко бываю, прости: служба такая. Сейчас едва отпустили.

– Вот небось ты из-за этой службы женщину свою и потерял, – снова коснулась больной темы тетушка и тут же прикусила язык: – Ты, это, прости, сама не ведаю, что говорю...

– Да нет, ты права, наверное, – произнес Иван Федорович. – Внимания я ей, конечно, уделял недостаточно. Но, тетушка, другой службы у меня нет, да и не надобно мне иной.

– А может, выбрал бы ты что-нибудь поспокойнее, чтобы и дома чаще бывать, и времени на внимание к близким чтоб доставало. Жизнь-то идет...

– Ладно, тетушка, все идет, как тому и положено быть, – махнул рукой Воловцов. – Так что, покормишь с дороги-то?

– Твоя правда, – спохватилась Феодора Силантьевна. – Одними разговорами сыт не будешь...

Через полчаса, насытившись вчерашними щами с хоро-

шим куском мяса, Иван Федорович переделся. Теперь, в плисовых штанах, заправленных в высокие опойковые сапоги, длиннополом, из толстого сукна, сюртуке и картузе с лаковым козырьком, он походил на щеголеватого мещанина или купчика, только-только набирающего обороты в торговом деле...

– Ты куда это намылился-то? – поинтересовалась тетка.

– К отцу, – коротко ответил Воловцов.

Рязанское кладбище, издавна прозванное Скорбященским по наличию одноименной церкви с главным престолом в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», находилось аккурат между Ямской слободой и Рюминой рощей. Рощей, собственно, звалось имение дворян Рюминых, но не тех, что были родня Бестужевым, канцлерам да графам, а тех, что от крестьянина Гаврилы Васильевича Рюмина род свой вели. Был Гаврила некогда простым половым в рязанском кабаке. Поднялся он на чаевых, на которые не скупилась подгулявшие купцы. Водки Гаврилы не пил, не то что его дед, коего и прозвали Рюмой за его пристрастие к вину. Прозвище намертво прикрепилось к этому крестьянскому роду и в середине восемнадцатого века стало родовой фамилией.

Гаврила Рюмин деньгу копил, стал брать питейные откупы, на чем и нажил огромное состояние. Не забывал он и своих земляков: то денег на новый алтарь для церкви пожертвует, то богадельне вспомоществование окажет, то дороги на

свои средства замостит, за что ему от государя императора чины да ордена перепали. А потом подал Гаврила Васильевич на имя государя прошение о даровании ему и сыновьям его титула дворянского, поскольку с чинами да орденами право у него такое заимелось. Покуда разрешения ждал – купил между делом в восемьсот седьмом году у наследников статского советника Вердеревского загородную усадьбу с лесом, прудами и мельницей и занялся ее обустройством: построил новый господский дом, флигель для гостей, похожий на сказочный терем, соединенный с главным домом крытым проходом, заложил парк с беседками и оранжереями, облагородил все три пруда. В парк, или Рюмину рощу, как стали звать ее горожане, вход был свободным, и рязанская публика нашла себе тут место отдыха от городской суеты...

Долгожданный дворянский титул с занесением в разрядную книгу рязанского дворянства и герб Гаврила Васильевич от Благословенного государя императора Александра Павловича вскоре получил. Загордился, конечно, не без того, но работать по части купеческой продолжал денно и ночью, чего и требовал от четверых своих сыновей. А тем уже зазорно купеческим ремеслом заниматься: как-никак – потомственные дворяне. И стали они от строгого батюшки да обязанностей многих «ноги делать»: старший в Санкт-Петербург подался, средний – на военную службу поступил, младший, так тот ранее всех в Москву уехал в университетах учиться. Остался на хозяйстве один Николай Гаврилович. Именно он

и принимал у себя в восемьсот тридцать седьмом году наследника-цесаревича Александра Николаевича...

Но вот когда Гаврила Васильевич Рюмин отдал Богу душу, съехал из Рюминой рощи и Николай Гаврилович. Шуткали, такое огромное хозяйство в порядке содержать. Одной дворни полтора ста человек, а ведь их всех кормить надобно, а у них еще семьи... А парк? А оранжереи с плодовыми садами? А пруды, кои надлежало чистить? А людские избы, рабочие казармы, скотный двор, амбары, сенники, конюшни? А полотняная фабрика, будь она неладна? А господский дом о сорока комнатах и деревянный гостевой флигель?

Посему забрал Николай Гаврилович свою семью и подался в Москву, благо имелся и там у рязанских дворян Рюминых большой двухэтажный дом на Воздвиженке недалеко от Крестовоздвиженского монастыря, купленный у князей Волконских и известный на Москве как «Дом Болконских» из «Войны и мира» графа Толстого.

Когда Ваня Воловцов с пацанами ходили ставить морды на карасей и линей на пруд в Рюминой роще, что стоял за оранжереями и имел прямо посередине, на островке, затейливую беседку в китайском стиле, имение это было уже в запустении: ухаживать-то без хозяев стало некому. Три рощицы – березовая, дубовая и осиновая, в которые можно было попасть по мосточку, перекинутому через глубокий овраг, заросли колючим кустарником и травой. Но по-прежнему поражали своими размерами три пихты в парке, что прилегал

к господскому дому...

Идти к кладбищу самым коротким путем надлежало через огороды, принадлежащие жителям Ямской слободы. Стоял октябрь, полевые работы, собственно, были закончены, и по пути к кладбищу Воловцов встретил всего несколько человек, которые долго провожали его взглядами: по одежке вроде свой, рязанский, а вот кто таков – неведомо.

Воспоминания детства оставили Ивана Федоровича, как только он ступил за ограду Скорбященского кладбища. Тишина. Шуршат опавшие кленовые листья под ногами. Памятники с надгробными эпитафиями. Мрамор, гранит, медь. Здоровенные дубовые кресты с медными табличками, которые уже трудно прочесть. Часовенка над могилой рязанского дворянина Николая Казначеева. Батюшка Воловцова и братья Казначеевы, Николай и Трофим, были хорошими знакомыми, часто встречались в Дворянском собрании, когда отец Ивана Федоровича, получив чин титулярного советника, сделался личным дворянином без права передачи дворянского титула по наследству. Служил он мировым судьей по решению Рязанской городской Думы вплоть до упразднения в восемьсот восемьдесят девятом году всего института мировых судей. Оставшись без дела, как это часто бывает, быстро начал сдавать и помер тихо и безмятежно во сне, что указывало на чистоту совести и души. Если душа и совесть, конечно, не есть единая суть с двумя разными названиями.

А вот и могила отца. Ухоженная и чистенькая, очевидно,

Феодора Силантьевна была тут совсем недавно и тщательно прибрала ее.

«Ну, что, здравствуй, отец. Когда ты умер, я еще учился на юридическом факультете. Но ты уже знал, что я пойду по твоим стопам, о чем сейчас тебе и докладываю. Кстати, два дела, мною раскрытые, говорят, будут включены в один из справочников по юриспруденции. В общем, пока я тебя не подвел и, надеюсь, не подведу и в дальнейшем... С Ксенией мы расстались, и в том моя вина: надо было держать ее железной хваткой, чего я не смог сделать. А может, и не хотел. Ибо если женщину нужно удерживать подле себя, то, верно, следует задаться вопросом: а нужна ли такая женщина?»

Что еще... Несколько дней назад я убил человека. Его имя – Георгий Николаевич Полянский. Лет десять назад я вел его дело об убийстве уездного исправника Полубатько. Этот Полубатько, из-за ревности к их общей любовнице, засадил его в арестантское отделение, обвинив в укрывательстве краденной лошади. А Полянский ни сном ни духом не ведал, что лошадь, которую оставил ему его товарищ на время отъезда из села, – краденая. Словом, отбыл Георгий Николаевич Полянский за чужую вину, ни за что ни про что, полтора года. Вышел озлобленный и решил исправнику отомстить. Подкараулил Полубатько у этой их общей женщины и убил ударом в висок кастетом с шипом. Через какое-то время его взяли, и суд присяжных вынес решение: приговорил его к бессрочной каторге. А он вскоре сбежал и добрался до Москвы. Влился

на Хитровке в воровское сообщество и стал по указке убивать неугодных для этого сообщества людей за деньги. То бишь сделался наемным «мокрушником». Когда на его счету было уже несколько душ, он выследил, еще в Москве, коммивояжера Стасько, приехал на одном с ним поезде в город Дмитров и убил его, опять-таки ударом кастета с шипом в висок, завладев деньгами и частью самого дорогого товара, что имел при себе коммивояжер.

Мне поручили расследование этого дела. Я нашел преступника, узнал его имя, но, поскольку знал его в лицо, был взят на его задержание. Когда он оказал сопротивление и побежал, я выстрелил в него. И убил. Я знаю, что иного выхода у меня не было, иначе Полянский попросту ушел бы, но на душе у меня нехорошо, отец. Прямо скажу, скверно! Все же человек, хоть и профессиональный убийца. Вот, выпросил после этого дела отпуск...

Сейчас я гощу у тетки, твоей сестры. Да ты это, верно, знаешь, ведь вам *оттуда* все видно... Устал что-то я, отец. И ты, надо полагать, уставал, только никогда не показывал виду. Наверное, ты был сильнее меня...»

Где-то в кронах деревьев прошелестел пожелтелыми листьями ветер. Легкое дуновение коснулось щеки Воловцова, будто кто-то провел по ней мягкой ладонью.

Может, это Федор Силантьевич *так* ответил на мысли сына, обращенные к нему?

С кладбища Иван Федорович возвратился задумчивым и

все трогал щеку, которой коснулся на кладбище своим дуновением ветер. Тетка, искоса посматривая на племянника, не лезла с вопросами: понимала, когда человека одолевают думы, нет места праздным словам.

Ночью Ивану Федоровичу приснился отец. Он сидел на табурете на тетушкиной кухне и ласково смотрел на него, Ивана Воловцова. Сидел и молчал, только глаза его говорили ласково: «Ничего, Ваня. Все образуется. Ничего... Я всегда рядом».

Глава 3

Несчастный случай, убийство? или Заключение доктора Живаго

Его разбудил запах дыма. Он вначале не понял, откуда тянет, и, обеспокоенный, быстро поднялся и прошелся по дому. Нет, в доме вроде все в порядке, и дымом тянуло с улицы. Видно, в открытую форточку.

Тетки дома не было, спросить, откуда дым, не у кого. Одевшись, Иван Федорович вышел во двор и увидел, что возле соседнего двухэтажного особняка толпится народ, а из разбитого окна на втором этаже буквально валит дым.

Времени было всего седьмой час утра, однако в Ямской слободе всегда вставали рано, так что ничего удивительного в том, что возле особняка скопилось уже десятка полтора людей. Когда Воловцов через боковую калитку прошел во двор особняка, со стороны улицы к дому подходил крепкого вида околоточный надзиратель с молодым парнем придурковатого вида. Недовольный таким количеством зевак, надзиратель в сопровождении парня вошел в дом и закрыл за собой дверь: нечего, мол, посторонним там делать.

Тетка тоже была здесь. Увидев ее, Иван Федорович подошел ближе и спросил:

– А что стряслось?

Феодора Силантьевна посмотрела на племянника полными слез глазами и ответила:

– Марья Степановна, товарка моя, заживо сгорела.

– Как это – заживо? – удивился Воловцов.

– Как-как, – встряла в разговор женщина с колючими глазами, чуть помладше тетки Ивана Федоровича. – Керосином облилась, вот и сгорела до самых черных угольев.

– Так-таки до самых угольев? – спросил чей-то женский голос.

– Говорят, да...

– Сама, что ли, она облилась? – послышался мужской голос сбоку.

– Может, и сама, – ядовито отозвался другой мужчина. – От такой жизни запросто можно самосожжешься...

– От какой такой? – огрызнулись на него.

– И правда, чем у Кокошиной жизнь была плоха? Комнаты сдавала внаем, ничего не делала, а денежки капали, – громогласно и едва не басом произнесла высокая женщина с усиками в уголках губ. – Чего от такой жизни самосжигаться-то? Всем бы так!

– Вшыко в шисни быфает, – глубокомысленно заметил беззубый сухонький старичок и философски покачал головой: – На то она и шиснь...

– А и верно, – сказала молодка с малым дитем на руках. – От внутренней сумятицы запросто можно руки на себя наложить.

– Оно и видно, как ты вся испереживалась-то, – ехидно заметила женщина с колючими глазами. – Вон, у ты второе дите уже, и все они, поди, неизвестно от кого...

– Как это неизвестно?! – вскричала молодуха. – Все – от мужа мово, законного, венчанного.

– Ага, венчанного, рассказывай... – зло парировала колючеглазая. – А то мы не ведаем, как ты в прошлом годе шашни крутила то с Колькой-пожарным, то с дворником Ефимкой.

– Какой Колька, какой Ефимка! – поперла прямо с дитем на колючеглазую молодка. – Да я щас тебе за слова таковские зенки бесстыжие твои выщарапаю!

– Чево? Это у меня зенки бесстыжие?! Да ты сама стыд весь давно растеряла в мужиковых-то постелях... – Поднявшись на носки, женщина с колючими глазами выкрикнула так, чтобы все слышали: – Курва слободская!

Явно затевалась бабья драка – мероприятие, жалости не знающее и в последствиях непредсказуемое...

– Так ведь грех это, самосжигаться-то! Это ж все равно что повеситься, – услышал Воловцов из другой группы любопытствующих, собравшихся возле особняка Марьи Степановны Кокошиной. – Или утопиться...

– Не-е, это хуже...

– Верно. И страшнее...

– А может, она случайно облилась керосином. И воспламенилась... – задумчиво проговорила молчавшая до того средних лет женщина.

– Да, говорят, лампу заправляла незатушенную и облилась случайно. А огонь на нее и перекинулся. Старая все же была, подслеповатая, растерялась. А может, сомлела от угарного газа. Вот и сгорела заживо...

– Да какая старая, пятьдесят восемь годков всего ей было! – продолжала возмущаться женщина с колючими глазами.

– А кто говорит про лампу? – снова послышался ядовитый мужской голос. – Небось все сплетни бабьи...

– Ничего и не сплетни, – теперь уже полным басом произнесла высокая женщина с усиками. – Это Наташка-поденщица сказала. Видела она лампу эту. И что случилось с Марьей Степановной – тоже своими глазами видела...

– Тоже мне, знаток авторитетный нашелся – Наташка-поденщица. Видела, вишь ли, она. Да ни хрена она не видела...

– Да нет, сосед, сказывают, что и правда видела. Она ж вместе с Ефимкой и этим здоровущим городовым в комнаты-то кокошинские входила. Вот бы тоже глянуть на угольки-то, что от Марьи Кокошиной остались...

– Да что вы такое говорите, побойтесь Бога!

– А что? Ее уж не вернешь... И ей теперь все равно: смотрит кто на нее иль не смотрит...

– Послушай, Вань, – просяще посмотрела на племянника тетка, – ты бы сходил туда, разузнал бы все, что там случилось. Марьюшка мне подругой лучшей была, да и у нее никого ближе меня не было. Сын ейный в Петербурге служит,

муж помер давно... Сходи, а? А то одни сплетни, неясно ничего...

– Ну, тетушка. Чуть позже ты все узнаешь, – не очень твердо ответил Воловцов.

– Да когда – чуть позже-то? Полицейские ничего не скажут, не положено им такое говорить, – возразила тетушка.

– На суде все узнаешь, – отвел глаза в сторону Иван Федорович.

– На суде?! – ахнула Феодора Силантьевна. – А сколь его ждать, ты знаешь? Полгода? Год? Ну, сходи, Ваня. Тебя же пустят...

Воловцов покорно опустил голову: худо, когда помирают близкие. Да еще так, живьем в огне. А может, не живьем? Может, сначала укокошили старушку, а потом подождли, дабы замести следы?

В нем проснулось любопытство следователя, мозг заработал в привычном режиме. Он знал, что если войдет в особняк и увидит место происшествия, то уже не сможет оставаться безучастным. И начнет свое следствие. Ну, вот, отдохнул от службы, называется...

Иван Федорович начал медленно пробираться к двери особняка. Открыв ее, он столкнулся нос к носу с городовым, и тот хмуро спросил:

– Чего тебе?

– Мне хотелось бы, сударь, взглянуть на место происшествия, – вежливо произнес Воловцов.

– Не велено, – услышал он в ответ.

– А кем, смею поинтересоваться, не велено? – продолжал излучать вежливость и спокойствие Иван Федорович. – Не смогли бы вы назвать его чин, должность и имя?

Городовой с некоторым сомнением посмотрел на Воловцова и, не решившись прогнать взашей столь воспитанного и явно не местного господина (черт их разберешь, приезжих этих, кто они такие на самом деле), ответил внятно и четко:

– Никого не велено пушать их благородием коллежским секретарем, полицейским околоточным надзирателем господином Петуховым Павлом Викторовичем.

– Тогда скажи ему, – так же четко и внятно заговорил Воловцов, – что его высокоблагородие коллежский советник, судебный следователь по наиважнейшим делам Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты господин Воловцов Иван Федорович желает осмотреть место происшествия и просит господина околоточного надзирателя предоставить ему эту возможность немедленно... Выполнять! – неожиданно рявкнул начальственным тоном Иван Федорович, и городовой, вздрогнув от окрика, побежал по ступеням на второй этаж. Буквально через несколько мгновений он, перегнувшись через перила лестничного ограждения, громко крикнул Воловцову:

– Эй, господин! Проходите, можно!

Околоточный надзиратель Петухов был явно разочарован. Он, верно, намеревался увидеть статского подполковника.

ка в вицмундире или мундирном сюртуке с галунами, а увидел мужчину в рубахе навыпуск и плисовых штанах, заправленных в опойковые сапоги.

– Гм, – произнес околоточный, оглядев одежду Воловцова и остановив внимание на плисовых штанах. – А разрешите, господин... Э-э...

– Воловцов, – подсказал Иван Федорович с едва заметной улыбкой.

– ...господин Воловцов, взглянуть на ваши документы?

– Да у меня их нет с собой... Я... сосед погибшей, к тетке приехал, в ее доме живу. На дым выбежал, как был... Но если для вас это принципиально важно, я могу сходить и принести все необходимые бумаги.

Околоточный посмотрел на Воловцова и встретился с ним взглядом. Какое-то время они смотрели друг на друга. Что высмотрел в этих глазах Иван Федорович, одному Богу известно, а вот Петухов, верно, что-то такое высмотрел, поскольку, отведя взор, нехотя буркнул:

– Не стоит... Проходите, смотрите, что вам надо, коли желание таковое имеете...

Судебный следователь вошел в дом, прошел через прихожую, внимательно все в ней осмотрев, и направился в комнату. Пахло гарью и дымом, хотя огонь был уже потушен.

Хозяйская комната была средних размеров и мебели имела немного. Письменный стол с двумя тумбами, кресло у стола, напольные часы в деревянном футляре с потрескавшимся

на нем лаком и какое-то кривое деревце в большом горшке, похожем на средних размеров бочонок. В углу, возле окна, за большой ширмой в выгоревших цветочках, стояла высокая железная кровать, расправленная, но не смятая. Рядом – небольшая тумбочка с раскрытой посередине книгой. Еще имелся стул с шерстяной, аккуратно расправленной кофточкой на спинке, небольшое трюмо с зеркалом и дубовый комод с потрескавшимся лаковым покрытием. Одно из двух небольших окон было разбито: видимо, это сделал городской или околоточный, дабы самим не задохнуться в дыму.

Возле стола, ногами к входной двери, лежала владелица дома Марья Степановна Кокошина. Ее правая рука была согнута над лицом, словно она пыталась от чего-то или кого-то прикрыться. Впрочем, то, что от нее осталось, рукою и лицом можно было назвать с большой натяжкой: вся верхняя часть тела настолько обгорела, что и правда более представляла собой уголья, нежели части тела. Такого Воловцов, довольно насмотревшийся в своей жизни всякого, в том числе и трупов, еще не видывал. А вот нижняя часть бедной женщины оказалась совершенно не тронутой...

На столе, прямо над трупом Кокошиной, лежали пустая бутылка из-под керосина и опрокинутая столовая лампа, очевидно, и послужившая источником случившейся беды.

– Кто первый увидел или почувствовал дым из комнаты хозяйки? – спросил Иван Федорович, обращаясь одновременно к городскому и околоточному надзирателю.

– Дворник Ефимка, – первым ответил городской.

– Это он вас вызвал? – продолжая осматривать труп, задал новый вопрос Воловцов уже конкретно городовому.

– Так точно, – последовал ответ.

– А вас? – Иван Федорович посмотрел на Петухова.

– Что – меня? – сморгнул околоточный надзиратель.

– Вас кто сюда вызвал?

– Тоже дворник...

– Вы дознание с ним уже провели?

– Формально не успел еще, а так, опросил, конечно. На словах. – Ивану Федоровичу показалось, что Петухов слегка оправдывается. – Он на кухне сидит. Вместе с жиличкой Натальей Квасниковой.

– А она вам зачем? – поинтересовался Воловцов.

– Так дворник, как только дым учуял, к ней постучал во флигель. Потом они вместе стали к Кокошиной стучаться. Это Квасникова дворника в участок послала, – вмешался в разговор городской.

– А он что, сам не мог об этом догадаться? – глядя на городского, спросил Иван Федорович.

– Получается, что не мог, – ответил городской. – А может, растерялся. Он немного того, – полицейский сделал неопределенный жест рукой. – Сами скоро увидите...

– А с этой Квасниковой вы тоже *не успели* провести дознание? – искоса посмотрел на околоточного надзирателя Воловцов.

– Не успел, – угрюмо подтвердил тот.

– Но – собираетесь провести? Я так понимаю?

– Собираюсь, – кивнул околоточный.

– А вы мне разрешите присутствовать на ваших дознаниях?

– Ну, это...

– Благодарю вас, – быстро произнес Иван Федорович, не дав договорить Петухову. – Кстати, – обратился он уже к обоим полицейским, – а скоро придут врач и судебный следователь?

– За врачом послали, а... судебный следователь... зачем? – удивился Петухов.

– Согласно Высочайшему повелению от первого июля одна тысяча восемьсот шестидесятого года, производством следственных действий занимаются сугубо судебные следователи. Полицейским чинам разрешено лишь проводить дознание с целью выявления подозреваемых в преступлении и снимать с них показания. Вам разве это не известно? – придав голосу официальные нотки, пояснил Иван Федорович.

– Известно, господин Воловцов, однако подозреваемых *в этом деле* нет и быть не может. Я практически уже раскрыл это дело, – не без гордости произнес Петухов и даже картинно выставил ногу вперед. – Это обыкновенный несчастный случай... Ну, правда, не совсем обыкновенный, – поправился он, – но, вне всякого сомнения, несчастный случай. Поэтому вмешательство судебного следователя, как и ваше то-

же, – подчеркнул он, – я считаю неуместным. Чего тут, позвольте вас спросить, расследовать, когда и так все понятно...

– Вот как? – усмехнулся Воловцов. – Вам все понятно? А не изволите ли объяснить мне, господин околоточный надзиратель, на каком таком основании вы построили свое заключение, что перед нами – несчастный случай?

– Да это же очевидно, – довольный, что утрет нос московскому следователю, заявил Петухов. – Пожилая женщина заправляла на столе лампу керосином. Лампу потушить она забыла. Потом нечаянно опрокинула ее на себя, а вылившийся керосин, естественно, вспыхнул. Все произошло чрезвычайно быстро и неожиданно, старушка, мгновенно охваченная пламенем, лишилась чувств, не успев выбежать из комнаты или позвать на помощь. А может, и звала, так стены-то здесь – о-го-го, какие толстенные. И жильцов на втором этаже, кроме нее, нету. – Околоточный закончил говорить и победоносно взглянул на Воловцова: – Чего ж тут может быть непонятного, сударь? К тому же входная дверь в квартиру и, что самое главное, дверь из прихожей в жилую комнату, где произошло несчастье, были заперты изнутри. Это вам в любое время подтвердят дворник Ефимка, жиличка Квасникова и городской Еременко (городовой при этих словах согласно кивнул). Входная дверь была заперта на английский замок, дверь в комнату – на накидной крюк. Окна тоже были наглухо закрыты. Так что все предельно ясно...

– Да здесь все как раз и не ясно, – в глубокой задумчи-

вности промолвил Иван Федорович. – Вы посмотрите внимательнее. Видите, половые доски возле трупa прогорели насквозь?

– Ну и что? – недоуменно посмотрел на него околоточный надзиратель.

– Как «ну и что»? – едва не возмутился Иван Федорович, подошел к трупу и наступил на прогорелую доску. Доска даже не хрустнула, а мягко подалась под сапогом Воловцова, и нога его провалилась между половицами по щиколотку. – Это ж сколько надо керосина, чтобы пол так выгорел?

– Дерево – материал горючий, – небрежно заметил околоточный, которого ничуть не тронули слова заезжего судебного следователя и уж тем более не заставили изменить собственное мнение.

– Хорошо, – согласился Воловцов. – Доски – материал горючий. А человеческое тело? Посмотрите, как обгорело тело. Ведь и правда до угольев. Она что, не пролила, а вылила на себя керосин, что ли? И не содержимое лампы, а минимум целую бутылку. Как можно пролить на себя и керосин из лампы, и керосин из бутылки аж до самой последней капли? При чем пролить на голову, руки и грудь?

– Ну, возможно, это какая-то форма самоубийства, – нетвердо произнес Петухов.

– Ага, теперь у вас новая версия: уже не несчастный случай, а самоубийство? – с едкой иронией проговорил Иван Федорович.

– А что, такого не может быть в принципе?

– В принципе – может. Но вот еще на что обратите внимание... Лицо и грудь у Кокوشيной обгорели напрочь. А вот нижняя часть, от пояса до пят, – совершенно не тронута огнем. Абсолютно не тронута... Как вы это объясните? – Воловцов не стал дожидаться ответа околоточного надзирателя и продолжил: – Если принять вашу первую версию – что это просто несчастный случай, как могла бедная женщина опрокинуть на себя лампу с керосином или бутылку так, чтобы облить себе лицо и грудь? Ведь когда мы случайно обливаемся чем-либо, скажем, чаем или вином, то, в первую очередь, обливаем что? – Он вдруг обернулся к городовому и вопросительно посмотрел на него.

Городовой Еременко, думая, что вопрос московского судебного следователя обращен конкретно к нему, четко ответил:

– Ляжки и... это самое место, – показал он на самый низ живота.

– Верно! – Иван Федорович одобрительно посмотрел на Еременко и снова повернулся к околоточному надзирателю: – Мы обливаем себе брюки и выйдем, будто сходили по малой нужде прямо в штаны. В крайнем случае, если сидим близко к столу, мы обливаем себе живот и нижнюю часть груди. Но не ключицы, заметьте, не руки, не шею, и тем паче не лицо. Далее. – Воловцов сделал эффектную паузу и метнул острый взгляд на Петухова: – Если принять вашу вторую

версию, которая подразумевает самоубийство посредством обливания себя керосином и затем поджигания, то тогда как вы объясните столь аккуратное положение тела? Смотрите, на ее юбке даже нет складок. Как она могла так аккуратно упасть, пылая в огне, чтобы на юбке не образовалось ни единой складочки? Да и положение тела очень спокойное, будто она собралась просто полежать на спине и отдохнуть. Мне всегда казалось, что если сжигаемый человек не привязан к столбу и не сидит на колу, то он мечется, бежит куда-то, катается по полу, орет, машет руками, пытаясь сбить пламя, ведь это страшно больно... Вы пытаетесь мне возразить? – заметил некоторое нетерпение Петухова Иван Федорович. – Хотите сказать, что она могла вначале лечь, а потом облить себя керосином и зажечься?

– Именно так, – успел вставить фразу в сделанную Воловцовым паузу околоточный надзиратель.

– Ну, и как вы это себе представляете? Старушка Кokoши-на ложится на пол, разглаживает юбку, чтобы было все пристойно и аккуратно, потом обливается керосином и зажигается? И лежит неподвижно, стиснув от боли зубы и боясь пошевелиться, дабы не испортить свой облик и не помять юбку? Но это же абсурд!

– Да-а, что-то тут не та-а-ак, – глубокомысленно протянул городской, став после ответа Воловцову явным его союзником.

– Ты еще тут будешь свои заключения строить, – едва не

прошипел Петухов, не собирающийся сдаваться.

– Виноват! – вытянулся городской.

– Допустим... Только допустим, что вы правы: здесь было совершено преступление, – стараясь быть уверенным и спокойным, произнес околоточный надзиратель. – Но как преступник вошел к старухе? Ведь все в один голос твердят, что она никому из незнакомых ей людей дверей никогда не открывает. И главное, как он вышел, если окна были наглухо затворены, а дверь закрыта изнутри?

– А вот это хороший вопрос, – уже примирительным тоном произнес Иван Федорович. – Знаете, у меня недавно было дело, когда вот так же труп находился в запертой комнате, окна не открывались, а преступление было явно налицо: от сильного удара кастетом имелась рана на голове, были следы удушения и похищение денег и дорогого товара. Потом оказалось, что вторая дверь, которая вела из комнаты убиенного в комнату хозяев, наглухо, как поначалу казалось, забитая гвоздями, не так уж и крепко забита. И при достаточно сильном нажатии на нее в двери образовывалась щель, куда после свершения преступного деяния и пролез преступник. Может, и здесь есть какой-нибудь нюанс?

– Ну, здесь, положим, никакой второй двери, как видите, нет, – развел руками Петухов. – Окно разбил городской Еременко, поскольку в комнате стоял дым несусветный, и нельзя было дышать. Какие тут, простите, могут быть... *нюансы*?

– Видите ли, нюансы могут быть в любом деле, – настави-

тельным тоном ответил Воловцов. – Вы должны бы это знать не хуже меня... Да, кстати, а вы не выяснили, не пропало ли чего из вещей старушки? Деньги, украшения, предметы быта...

– А как это узнать, если она никого к себе не пускала? – отозвался на вопрос Воловцова городской Еременко, поскольку околоточный надзиратель промолчал.

– Но у нее есть сын, – заметил Иван Федорович.

– Откуда вы знаете? – удивился Еременко.

– Знаю. Его-то она к себе пускала, надо полагать. Он наверняка может определить, не пропало ли чего из вещей его матушки. И если что-либо пропало, то совершение преступления неизвестным покуда нам лицом, несомненно, имеет место быть, не так ли, господа?

– Сына Кокошиной мы, конечно, вызовем, – согласился Петухов, – телеграммой. И ваши доводы, господин судебный следователь, вполне убедительны. И все же, сударь, позвольте мне остаться при своем мнении. Я уверен, что это несчастный случай. Нет никаких мотивов ее убивать. Жила она бедно, в роскоши не купалась. Да и какие деньги могут быть у таких старух? Разве что оплата за наем комнат в ее доме?

– Не скажи-ите, господин околоточный надзиратель, – протянул Иван Федорович, категорически не согласный и с этим утверждением Петухова. – У таких вот «божьих одуванчиков» как раз и имеется заветная кубышка со золотом-серебром. Только они об этом не кричат на каждом углу, а хра-

нят свои сбережения в строжайшей тайне, никому не показывая и, уж конечно, никого к этой кубышке не допуская...

– До приезда ее сына мы не можем утверждать этого наверняка, – покачал головой Петухов.

– Вот тут я решительно и полностью согласен с вами, – произнес Воловцов вполне искренне.

– А знаете что? – Околоточный даже слегка порозовел от пришедшей вдруг в его голову дерзкой мысли. – Я готов заключить с вами пари, что судебный врач, который, очевидно, скоро прибудет, *не найдет* никаких телесных повреждений на теле Косошиной, которые могли бы привести к смерти, после чего, как вы полагаете, ее облили керосином и подожгли. Более того, он будет констатировать в своем медицинском заключении, что смерть произошла от ожогов, не совместимых с жизнью. Вы как? – задорно посмотрел он на Ивана Федоровича. – Принимаете мое предложение?

– Принимаю! – ответил Воловцов, и они пожали друг другу руки. – Ладно, господа, небось дворник Ефимка и жиличка Квасникова заждались нас. Кстати, а почему дворника все зовут Ефимка? Он что, мальчик совсем?

– Да нет... ему, чай, восемнадцать уже стукнуло. Просто я же вам говорил, что он, таво, – и городской сделал неопределенный жест рукой.

– Ладно, поглядим... – кивнул Иван Федорович. – Давайте с него и начнем...

Они прошли на кухню, где дожидались полицейского до-

знания Ефимка и жиличка из флигеля Наталья. Ефимка был безмятежен. Нежный розовый румянец покрывал его пухловатые щеки. Наталья, напротив, сидела хмурая и нервно перебирала пальцами подол короткого передника.

– Здравствуйте, – поздоровался со свидетелями Воловцов. – Вы – Наталья Квасникова? – спросил он девушку.

– Да. – Она подняла на Ивана Федоровича печальные глаза и встала.

– Пройдите, пожалуйста, с господином городовым в коридор, – сказал ей Воловцов. – Мы сначала побеседуем с господином дворником, а затем с вами. Не возражаете?

– Нет, – удивленная таким обходительным отношением незнакомого мужчины в рубахе навыпуск и плисовых штанах, заправленных в сапоги, ответила Наталья.

– Вот и славно. Городовой, проводите барышню...

Квасникова послушно вышла из кухни. Следом за ней вышел городовой. Когда двери за ними закрылись, Наталья спросила:

– Это кто?

На что городовой Еременко закатил глаза и серьезно ответил:

– У-у, не спрашивай. Господин судебный следователь. Из самой Москвы будет...

Воловцов присел в уголок, предоставив Петухову сесть за стол, и предложил:

– Прошу вас, начинайте...

Околоточный надзиратель, уже понявший, что он тут не главный, кивнул головой и, жестом указав Ефимке сесть на стул, что стоял против стола, достал из кожаной планшетки бумагу и карандаш.

– Итак, производится дознание дворника дома покойной ныне Марьи Степановны Кокошиной, – официальным тоном произнес он, что было правильно, поскольку настраивало допрашиваемого не на дружескую беседу, но на ответственный и серьезный разговор, имеющий важные последствия. – Ваше полное имя-отчество-фамилия?

– Ефимкой меня зовут, – ответил дворник.

– Это имя, – терпеливо произнес Петухов. – А как зовут вашего отца?

– У меня нет отца, – шмыгнул носом Ефимка, и глаза его наполнились слезами. – Помер он.

– Хорошо. Как...

– Чего ж хорошего, коли помер-то? – посмотрел на околоточного надзирателя Ефимка глазами теленка. – Жа-алко же...

– Я понимаю, что жалко, – сказал Петухов. – Но ничего не поделаешь – люди умирают.

– А как умер ваш батюшка? – подал голос из своего угла Воловцов.

– Его лесами задавило, когда он церкву шукатурил, – оглянулся на него Ефимка. – В позапрошлом годе. А мамка еще раньше умерла... Сирота я.

– А как звали вашего батюшку? – спросил, в свою очередь, околоточный надзиратель.

– Афо-о-оной, – протянул Ефимка. – Он хороший был. До-обрый...

– А фамилия твоя как?

– Кологривовы мы.

– Ясно, – кивнул Петухов. – Итак, Ефим Афанасьевич, что вы можете нам рассказать по поводу сегодняшнего инцидента?

– Чево? – сморгнул Ефимка, подавшись чуток вперед.

– Что случилось сегодня утром, расскажи нам, пожалуйста, – мягко поправил околоточного Воловцов.

– Чо случилось... – Ефимка задумался. – Ну, встал я, как обычно, в пять часов. Служба у меня такая, в пять часов вставать. Взял метлу, совок, ведро. А потом чую – дымом пахнет...

– А где вы спали? – спросил Иван Федорович.

– У себя на фатере спал, – немного удивленно ответил Ефимка.

– А где ваша *фатера*?

– Под лестницей. Там комнатка такая, с одним окошечком в сени, но теплая и поместительная: там и кровать имеется, и тумбочка, и вешалка. Барыня меня туда, стало быть, определила, когда в дворники взяла. Добрая она была, барыня-то наша...

– Итак, вы почувствовали запах дыма, – вернул разговор

в нужное ему русло околоточный Петухов.

– Почувствовал, – кивнул Ефимка.

– Откуда пахло дымом?

– Сверху. Из покоев хозяйки.

– И что ты сделал, когда почувствовал дым? – не забывал записывать в протокол дознания вопросы и ответы Петухов.

– Поднялся на кухню, – ответил дворник.

– И что дальше?

– Принюхался...

– Ну, и...

– Потом прошел к двери фатеры хозяйки. Увидел, что из-под двери дым сочится... – и Ефимка замолчал.

– Ну, чего молчишь? – раздраженно произнес околоточный надзиратель. – Увидел дым из-под двери, что дальше-то?

– Ну, дым идет... – сказал Ефимка и непонимающе уставился на Петухова.

– Что вы, Ефим Афанасьевич, делали после того, как увидели из-под двери квартиры Кокошиной дым? – мягко задал вопрос Воловцов.

– А-а, так я к Наташке-поденщице пошел... – обернулся к нему Ефимка.

– К Наталье Квасниковой? – задал уточняющий вопрос околоточный надзиратель.

– К ей самой.

– Зачем? – снова встрял в дознание Иван Федорович.

– Сказать, что дым...

– И все?

– Ну, еще спросить, что, мол, надобно делать, – немного подумав, ответил Ефимка.

– А почему именно к ней, к Наталье Квасниковой? Она ж во флигеле проживает, а не в доме, – спросил Петухов. – Что, нельзя было разве к жильцам первого этажа постучать?

– А-а, наших-то жильцов не добудишься в такую рань. Они раньше девяти часов не поднимаются. Ба-аре, – произнес дворник.

Воловцов удивленно глянул на дворника: почудилось, или действительно последние слова Ефимки были произнесены с легким налетом презрительной усмешки?

– Хорошо, что было дальше? – продолжал околоточный надзиратель.

– Дальше? Дальше Наташка мне открыла дверь...

– И?

– И спросила: чего, мол, мне надобно.

– А ты? – устало спросил Петухов.

– А я ей и говорю: пошли, дескать, к хозяйке, у нее из-под двери дым сочится...

– А она что? – уже изнывал от такого дознания околоточный надзиратель.

– А она, вот тоже, как и вы, спросила. – Ефимка уважительно посмотрел на Петухова: – Пошто, дескать, ты ко мне приперся, а не к жильцам домовым?

– А ты?

– А я ей, как и вам щас только что, ответил... – сказал Ефимка и опять замолчал.

– А что ты Наташке ответил-то? – сдерживая смех, спросил из своего угла Воловцов.

– Да то же, что вот и ему, – повернулся к Ивану Федоровичу дворник, кивая в сторону околоточного, – что, дескать, к домовым жильцам не достучишься, они-де рано вставать не привыкшие...

– Что дальше? – спросил Петухов.

– Дальше Наташка одеваться стала...

– Ну, оделась она, и что потом?

– А потом мы пошли... – ответил, как само собой разумеющееся, Ефимка.

– Куда?

– В дом, – ответил Ефимка и замер в ожидании нового вопроса.

– Вошли в дом, что дальше? – Петухов уже нервничал настолько, что, казалось, еще немного, и он изойдет пеной нервного припадка.

– Поднялись, прошли на кухню и подошли к двери фатеры хозяйки.

– И?

– И увидели из-под двери дым, – сообщил Ефимка с таким видом и таким тоном, будто только что разгадал все загадки египетских пирамид.

Из угла, где сидел Воловцов, послышалось не то хрюканье, не то последние хрипы висельника. Петухов поднял голову и посмотрел на московского гостя. Тот был вполне серьезен и внимателен. Словом, то, что судебный следователь по наиболее важным делам Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты Иван Федорович Воловцов едва сдерживает готовый вырваться наружу смех, околоточный надзиратель не заметил. Иначе мог произойти неприятный конфуз...

– Дальше...

– Чо?

– Что вы делали дальше? – повторил вопрос Петухов.

– Мы стали стучаться в дверь.

– И?

– Не достучались...

– Вам никто не открыл?

– Нет, не открыл, – ответил Ефимка. – Тогда Наташка мне сказала: бежи, мол, в участок. Я и побег...

– Слава тебе, Господи, – выдохнул Петухов. – Неужто свершилось? – Он какое-то время смотрел на Ефимку, как смотрят на лучшего друга, который спас вас от дикого зверя или вражьей пули. Еще так иногда смотрят, когда прощаются навсегда на перроне вокзала с любимым человеком. Благодарность провидению, что дознание с дворником закончилось, было у Петухова неисчерпаемым и безграничным. Не будь сидящего в уголке Воловцова, он, наверное, исполнил бы сейчас «Застольную арию» из «Травиаты» Джузеппе Вер-

ди:

Высоко поднимем все кубок веселия,
и жадно прильнем мы устами.
Как дорог душе светлый миг наслаждения.
За дворника выпьем его¹...

– Слава богу, – повторил околоточный надзиратель, иско-
са глянув на московского гостя, притулившегося в уголке.
Теперь Петухов чувствовал себя старшим и владеющим си-
туацией, а московский следователь по наиважнейшим делам
был так, вроде консультанта или даже помощника. А впро-
чем, Иван Федорович Воловцов и не претендовал на лидер-
ство... – Все остальное мы спросим у Еременко...

– А позвольте, Ефим Афанасьевич, я задам вам еще па-
ру вопросов? – неожиданно сказал Иван Федорович. – Как
долго вы служите дворником?

– Четвертый месяц пошел, – улыбнулся Ефимка столь
добродушно, что некоторое предубеждение к нему, невесть
откуда появившееся во время дознания, улетучилось без
остатка.

– А кто до вас был дворником? – задал еще один вопрос
Воловцов.

– Степан был.

– А куда дворник Степан подевался?

¹ В оригинале – «За милую выпьем его».

– Запил и пропал, – с явной печалью в голосе ответил Ефимка.

– А подробнее можно? – попросил Воловцов.

– Ну, полгода назад у Степана жена померла, и он того, запил с горя. Хозяйка наша его жалела, со службы не прогонила, думала, попьет с горя и перестанет...

– А он не переставал? – серьезно спросил Иван Федорович.

– Нет, не переставал, – согласно кивнул Ефимка.

– А потом?

– А потом пропал. Сказывали, его видели садящимся на пароход. А может, и обознались...

– Что ж, Ефим Афанасьевич, – поднялся со своего места Воловцов. – Было весьма приятно с вами познакомиться. Более мы вас не задерживаем. Вы, признаться, нам очень помогли... Верно, господин Петухов?

– О, да-а, – протянул околоточный надзиратель и закатил глаза к небу...

Когда Ефимка вышел, в дверной проем просунулась голова городского Еременко и, открыв рот, сказала:

– Господин доктор явились...

– Как, уже?! – с большой долей иронии спросил Воловцов и глянул на околоточного надзирателя. – Ну, так скажите ему, что пусть занимается всем, чем положено в подобных случаях, а когда закончит, идет сюда, на кухню. А ты нам зо-

ви пока эту жиличку, Наталью Квасникову.

– Слушаюсь...

Наталья Квасникова – девица лет двадцати четырех, что уже вполне позволяло причислить ее к разряду старых дев, снимала у Кокошиной комнатку во флигеле. Бледная, худая и, верно, непростого характера, как и все старые девы, она прошла к столу, за которым восседал околоточный надзиратель, и, не дожидаясь предложения, села.

– Имя-отчество-фамилия, – строго произнес Петухов.

– Чье, мое? – спросила Наталья и сморгнула. Внутри у околоточного от этого вопроса все заныло; захотелось забросить карандаш в угол, порвать протокольную бумагу в клочья, плюнуть на всю эту мороку, растереть плевком сапогом, отправиться в штофную лавку или в один из ста десяти питейных домов, что имелись в городе, и засесть там да самого скончания дня. А потом прийти домой и, не раздеваясь, завалиться на холостяцкую кушетку, послав к чертям собачьим и все эти дознания, и полицейскую службу, а вместе с ней и весь свой околоточный участок...

Воловцов хорошо понимал его состояние и даже, в какой-то степени, сочувствовал Петухову. Он и сам не раз сталкивался с подобными допрашиваемыми, которые то ли слишком робели во время допроса и оттого не понимали поначалу вопросов следователя, то ли от природы были непроходимо тупы. Поэтому он поднялся со своего стула, подошел к Петухову и предложил:

– Позвольте, я допрошу гражданку Квасникову, а вы просто запишете ее показания в протокол. Идет?

– Да ради бога, – похоже, даже обрадовался околоточный надзиратель. Теперь он уже не хотел быть никаким главным, ибо ведомым являться и проще, и спокойнее...

Воловцов сел на место Пастухова, посмотрел на Квасникову и произнес:

– У меня Наталья... как вас по бабушке?

– Григорьевна, – ответила девица и сморгнула.

– У меня к вам, уважаемая Наталья Григорьевна, будет всего несколько вопросов, а потом мы вас отпустим, и вы сможете заняться своими обычными делами, – благожелательно и спокойно начал Воловцов. – Кстати, а чем вы занимаетесь?

– Поденщица я. У кого полы помою, у кого постираю, у кого в доме приберусь.

– Что ж, работа у вас для людей важная и нужная, – констатировал Воловцов. – Значит, встаете вы рано?

– Рано, – согласно кивнула Наталья.

– И сегодня встали рано? – спросил Иван Федорович.

– Да, – просто ответила Квасникова.

– Значит, когда к вам постучался дворник Ефимка, вы уже не спали?

– Нет, не спала, – последовал очередной ответ.

– Вы открыли ему, и что он вам сказал? – Иван Федорович обернулся на околоточного надзирателя, чтобы убедить-

ся, что тот успеваает записывать. Пастухов не отставал...

– Он сказал, что из-под дверей хозяйки сочится дым...

– А в котором часу к вам постучал дворник?

– В четверть шестого или около того, – ответила Наталья.

– Вы оделись и пошли с Ефимкой в дом, так?

– Так. Черным ходом мы поднялись на кухню. Пахло дымом. Сильно. Дверь хозяйки, как обычно, была заперта, и мы стали стучаться...

– Что значит «дверь хозяйки, как обычно, была заперта»? – быстро спросил Воловцов.

– А она у нее всегда заперта. И днем, и ночью, – с некоторым укором пояснила Квасникова.

– Она чего-то опасалась? – поинтересовался Иван Федорович как бы между прочим.

Наталья задумалась и после некоторого молчания ответила:

– Не знаю. Кажется, она как-то говорила, что опасается воров.

– А что, у нее было чего красть? – задал Воловцов вопрос, заставивший Петухова поднять голову от бумаг.

– Не знаю, в комнате у хозяйки я никогда не была. Она ведь никого к себе не пускала...

– Ну, хорошо, – отметил что-то для себя Иван Федорович. – Вы с дворником постучали, никто вам не открывал, а в комнате у хозяйки что-то горело. Что вы далее предприняли?

– Я сказала Ефимке, чтобы он побег в участок, – сказала Наталья.

– И он тотчас побег?

– Да, он побег. И вернулся уже с городовым...

– Дальше что вы делали?

– Мы снова стали стучаться, – ответила Квасникова. – Хозяйка не открывала. А дым начал валить уже из всех щелей. И тогда городской взял топор и взломал дверь.

– А она была заперта изнутри? – быстро спросил Иван Федорович.

– Да, на двери стоит английский замок. Так он сам защелкивается, когда дверь закрывают... – пояснила Наталья.

– Вот как? – протянул Воловцов и оглянулся на околоточного надзирателя.

– Ага...

– А что вы увидели за дверью, когда ее взломал городской?

– Сразу-то и не разглядишь. Прихожая была полна дыма, – сказала девица, и по ее телу пробежала дрожь.

– Так, продолжайте дальше, – попросил ее Воловцов.

– Городовой стал стучаться в покои хозяйки и кричать, чтобы она открыла. Но она не открывала... Тогда полицейский отошел и ударил в дверь плечом. Дверь открылась, и мы едва не задохнулись от дыма, что был в покоях хозяйки. Городовой взял стул и выбил им стекло. Дым стал быстро уходить, и мы увидели, что хозяйка лежит возле стола, и она...

и ее лицо... – Квасникова закрыла лицо руками и заплакала. – Она добрая была, – глухо донеслось до Воловцова из-за ладоней. – Если я оплату за комнату задерживала, она хоть и ругалась, но не гнала. А сын ее придет – и погонит. Куда я пойду-у-у... – Теперь она зарыдала уже в голос.

Воловцов перегнулся через стол и погладил ее по плечу:

– Успокойтесь, Наталья Григорьевна. Никто вас не погонит. – Он посмотрел на околоточного надзирателя: – Ведь верно, господин Петухов?

– Верно, – отозвался тот.

– Ну, вот видите, – мягко произнес Иван Федорович. – Господин Петухов, как представитель власти, не позволит, чтобы вас выселили из дома невесть куда. Лишние бродяги и люди без определенного места жительства полиции тоже без надобности...

– Спаси вас Бог. – Наталья убрала ладони от лица и благодарно посмотрела на Воловцова. – И вас спаси Бог, – обернулась она к Петухову.

– Ну, вот и все. Вы свободны, – сказал Иван Федорович.

Когда Наталья вышла, Петухов, немного помолчав, произнес с явной долей уважения:

– Умеете вы допросы чинить, господин судебный следователь. Прямо мастерски...

– И вы будете уметь. Коли захотите... Теперь давайте допросим городского Еременко, а потом поговорим с врачом. Как его зовут, подскажите, будьте любезны?

– Андрей Игоревич Живаго, – ответил Петухов.

– Благодарю вас, – кивнул Воловцов. – Так вот, после снятия показаний с городского Еременко поговорим с доктором Живаго. И на сегодня хватит, как вы думаете?

– Согласен с вами, – ответил околоточный надзиратель и крикнул: – Еременко! Заходи!

Городовой Еременко верою и правдою служил на поприще правопорядка и благочиния вот уже шестнадцать лет без малого. Имел достойную награду – серебряную медаль с профилем государя императора Николая Александровича с одной стороны и надписью «За беспорочную службу в полиции» с другой. Его пост находился в самом южном конце Ямской слободы, за коей лежали луга и выгоны, принадлежащие крестьянским обществам и прочим частным лицам.

Допрос Еременко также проводил Воловцов. Дойдя до места, когда его позвал в дом Кокошиной дворник Ефимка, Иван Федорович поинтересовался:

– А вы его спросили, в чем дело?

– Спросил, – ответил Еременко.

– И что сказал дворник?

– Он сказал, что из покоев его хозяйки сочится дым.

– И вы поспешили к дому Кокошиной...

– Так точно.

– Что вы увидели, поднявшись на второй этаж?

– Жиличку Кокошиной поденщицу Наталью Кваснико-

ву, – ответил полицейский. – Она сидела и поджидала нас.

– Что потом? – задал новый вопрос Воловцов.

– Потом мы втроем подошли к двери квартиры Кokoшиной и стали стучаться. Но никто нам не открывал, а дым все шел и шел...

– И тогда вы приняли решение выломать входную дверь, так? – посмотрел на Еременко Иван Федорович.

– Так точно, – снова по-военному ответил Еременко. – Вдруг Кokoшина была еще жива и ей требовалась помощь? – Он немного помолчал, потом вопросительно посмотрел на Воловцова: – А что, надо было дожидаться околоточного надзирателя господина Петухова, а затем уж ломать дверь?

– Нет, вы все правильно сделали, – успокоил его Воловцов. – Рассказывайте, что было дальше.

– Дальше мы вошли в прихожую. В ней было полно дыма, – продолжил дачу показаний Еременко. – Стали стучаться в покои хозяйки – снова молчок. Я подумал, что, коли выломали входную дверь, надо ломать и эту. И выдавил дверь в покои Кokoшиной, сорвав накидной крюк...

– Значит, дверь была заперта на крюк?

– На крюк, – ответил городской. – Я надавил, и он отвалился. Вернее, отвалилась запорная петля. Ну, мы вошли, значит. Дымина стоял – ничего не видать. И дышать было совсем невмочь. Тогда я взял стул и выбил окно...

– Что потом? – спросил Иван Федорович.

– А потом мы увидели Кokoшину. Она лежала на полу вся

обгорелая и никаких признаков жизни не подавала, – с печалью в голосе ответил городской Еременко. – Я ничего не велел трогать и послал дворника в околоточный участок...

– Погодите, – перебил его Воловцов. – Наталья Квасникова ведь уже посылала Ефимку в участок.

– Значит, он побежал не в участок на Ямскую площадь, а совсем в обратную сторону, и прибег ко мне, – ответил городской. – Но вы же видели его, господин судебный следователь. Он же это... – Еременко опять произвел уже знакомый Воловцову неопределенный жест рукой. – Чего с него такого возьмешь?

– Да, верно, растерялся наш Ефимка, – заключил Воловцов. Он оглянулся на Петухова, все ли он успел записать, и тот кивнул Ивану Федоровичу головой: мол, записывать успеваю, продолжайте. Но допрос, собственно, был уже закончен. Ради общей картины Воловцов задал городскому еще вопрос:

– А вы лично знали Марию Степановну Кокوشину?

– Знал, – кивнул Еременко. – Всех домовладельцев, сдающих квартиры и комнаты внаем, нам положено знать.

– А дворника, что служил прежде, знали? – спросил Иван Федорович.

– Степана-то? – Городской как-то странно посмотрел на следователя. – Знал, конечно. Это тоже входит в наши обязанности – знать дворников. Через них можно сведения о сомнительных постояльцах добыть, и вообще, дворники для

полиции люди очень полезные...

– Знаю, знаю, – усмехнулся Воловцов. – Дворники – первейшие помощники полиции...

– Точно так, господин судебный следователь... – с большой готовностью подтвердил городской и продолжил: – Ну, так вот, как запропал он, Степан-то, Марья Степановна Ефимку в дворники и взяла. Потому как на ней постояльцы и прочее хозяйство, а стало быть, двор и прилегающую к дому территорию надлежит содержать в чистоте и полном порядке. Чего без дворников никак не можно.

– Ясно, – сказал Воловцов и улыбнулся. – Благодарю вас за столь обстоятельный рассказ. И не смею вас больше задерживать. Да, позовите к нам доктора Живаго, если он уже осмотрел труп...

Городской доктор Андрей Игоревич Живаго оказался плотным лысоватым мужчиной, необычайно подвижным и резвым для своей солидной комплекции. Есть такая порода толстяков, которые, несмотря на полноту и одышку, везде бывают, всюду поспевают, обо всем ведают, и все их знают.

Доктор Живаго был как раз из таких, его знали. И не только потому, что в бытность практикующим врачом он срывался из дома в ночь-полночь к больному, который жил на другом конце города, оказывал ему всяческую помощь, а ежели семья больного была бедна, еще и не брал за визит денег. Его пускали даже в мусульманские дома на женскую

половину, и он осматривал женщин беспрепятственно, поскольку доверием и авторитетом пользовался безграничным.

И вот три года назад городская Дума упростила его принять должность городского врача, то есть стать официальным лицом, осуществляющим санитарный надзор за всеми учреждениями города, проводящим противоэпидемические мероприятия и судебно-медицинскую экспертизу. Полномочиями он был наделен такими, что в отдельных случаях ему позавидовал бы и полицмейстер города. А рязанский губернатор тайный советник Николай Семенович Брянчанинов считал его, ни много ни мало, своим заместителем. Конечно, не официально...

Знали доктора Живаго в Рязани еще и по иному поводу. А повод этот был прост: он приходился племянником покойному ныне почетному гражданину и купцу-банкиру, первейшему в городе благотворителю Сергею Афанасьевичу Живаго, которого на Рязани знала, вот уж точно, каждая собака!

Когда он вошел на кухню дома Кокошиной, превращенную судебным следователем Воловцовым и околоточным надзирателем Петуховым в дознавательскую комнату, то там стало будто бы светлее. Андрей Игоревич буквально излучал свет и тепло. Такие к концу жизни становились праведниками и едва ли не святыми и умирали, являя православному миру свои нетленные останки.

– Я – Живаго, городской врач, – представился, в первую очередь для Воловцова, Андрей Игоревич.

– Воловцов, судебный следователь, – ответил на крепкое рукопожатие доктора Иван Федорович.

– Вы из Москвы? – догадался Живаго.

– Да, а как вы...

– По вашему «аканию», – улыбнулся доктор, скорый не только в движениях, но и в речи. – Вы, представляясь, сказали: «Валавцов» и «следаватель».

– Ясно, – улыбнулся Иван Федорович.

– Итак, господа, – обратился Живаго уже к обоим служителям закона, когда осмотрел труп, – вас, надо полагать, интересует вопрос: отчего умерла госпожа Марья Степановна Кокошина?

– Именно так, – произнес околоточный надзиратель и невольно посмотрел на Воловцова.

– Так вот, спешу доложить вам, что домовладелица Кокошина Марья Степановна скончалась от ожогов, не совместимых с жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.